

ДЖЕННИФЕР
МАККУИСТОН

Триключения
новображных

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer McQuiston

WHAT HAPPENED IN SCOTLAND

Перевод с английского *Я.Е. Царьковой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

Маккуистон, Дженнифер.

М15 Приключения новобрачных : роман / Дженнифер Маккуистон ; [пер. с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-086623-6

Молодая вдова Джорджетт Торолд поклялась после неудачно-го первого брака никогда больше не выходить замуж. Однако ее визит к родне в Шотландию имел неожиданные результаты...

Однажды утром она проснулась в одной постели с мускули-стым красавцем, а на пальце у нее опять сияет обручальное кольцо!

Что же — она снова замужем? Да еще и за человеком, которого видит впервые?

В панике Джорджетт бросается наутек. Однако новоявленный супруг, адвокат и истинный джентльмен Джеймс Маккензи, хоть и довольно смутно представляет, что же произошло накануне, но имеет собственные — весьма веские — причины разыскивать прелестную незнакомку, в которую страстно влюбился с первого взгляда...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jennifer McQuiston, 2013

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2014

ISBN 978-5-17-086623-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Где-то в Британии, 1842 год

Есть темы, на которые в приличном обществе говорить не принято, и леди Торолд благоразумно не распространялась о том, что питала сильнейшую неприязнь к двум вещам: к мужьям и — в чуть меньшей степени — к бренди. И все же она решила, что кто-то, прознав про ее секрет, жестоко над ней подшутил: при пробуждении она вдруг почувствовала тошнотворный запах бренди и тепло прижавшегося к ней тела, со всей очевидностью принадлежавшего лицу мужского пола.

Леди Торолд овладел страх. На ум не приходило ни одного разумного объяснения происходящему. Ни разу за все свои двадцать шесть лет даже не попробовав бренди ввиду стойкого отвращения к запаху этого напитка, Джорджетт, оказывается, проспала всю ночь на простынях, которые, надо думать, в бренди вымачивали. Приоткрыв один глаз, Джорджетт в ужасе убедилась: комната, в которой она проснулась, ей совсем не знакома. Она попыталась оторвать голову от подушки — и застонала от невыносимой головной боли.

Однако голова ее, хоть и болела нещадно, все же кое-что соображала. Джорджетт вдруг вспомнила, что муж ее вот уже два года как умер.

Между тем мужчина, к которому она лежала спиной, потянулся, обхватил ее за талию и подвинул к себе. И тогда Джорджетт поняла, что этот мужчина возбужден, причем — до крайности. Джорджетт открыла второй глаз

и в недоумении уставилась на обнимавшую ее за талию мускулистую мужскую руку. На мгновение ей пришла в голову безумная мысль закрыть глаза и притвориться спящей, нежась в теплых мужских объятиях, но не успела она об этом подумать, как другая мысль, более трезвая, подобно разящему кулаку пробила сонную одурь.

Что она делает тут, в этой чужой комнате, в чужой постели? В постели с незнакомцем!

С гулко бьющимся сердцем Джорджетт высвободилась из цепких объятий чужака и, лавируя между усыпавшими пол осколками бутылочного стекла и разбросанной по полу одеждой, бросилась к приоткрытому окну. Скорее вдохнуть свежего воздуха! Справившись с паникой, она обвела взглядом комнату.

Перья были повсюду. На полу. На мебели. На ней! В ужасе от закравшегося подозрения, что в этой комнате, пока она спала, зарезали гуся, Джорджетт закрыла глаза и мысленно взмолилась: «Пусть все исчезнет как сон, когда я снова открою глаза».

Увы, чуда не произошло. Пытаясь пробраться к шкафу, выглядевшему так, словно пережил восстание якобитов, Джорджетт споткнулась обо что-то и едва не упала, схватившись за дверь гардероба, болтавшуюся на одной петле.

Несмотря на поднятый ею грохот, мужчина в кровати продолжал благополучно храпеть. Бедняжка потерла глаза кулаком — словно таким образом могла заставить его исчезнуть, — но, как и следовало ожидать, потерпела неудачу.

Джорджетт задумчиво поднесла ладонь к губам и брезгливо поморщилась. Запах бренди, казалось, впитался в ее кожу. Она что, принимала ванну из бренди вместо воды? И вообще, что она делала вчера?

Впрочем, принимая во внимание тот факт, что она проснулась в незнакомой комнате, в постели с незнакомым мужчиной... да еще и пропахла алкоголем, от чрезмерного употребления которого скончался ее муж, правильнее было бы спросить, чего она не делала.

Рвотный ком, тугой и горький, сдавил горло. Джорджетт не понимала, как такое могло произойти с ней. Ее покойный муж был запойным пьяницей и распутником, и она, хоть и смотрела сквозь пальцы на его загулы, не переставала страдать. Так как же могла она пасть так низко?! Как могла опуститься до того скотского состояния, в котором ее покойный муж пребывал большую часть времени?

Впрочем, она опустилась даже ниже. Ведь если на подобные прегрешения джентльменов свет мог закрыть глаза, то леди такое не прощалось ни при каких обстоятельствах. Леди не просыпаются в постели с незнакомцами, не имея ни малейшего представления о том, как такое получилось.

Джорджетт попятилась и прижалась спиной к стене. Грубые бумажные обои царапнули кожу. И лишь тогда она осознала, что на ней ничего нет. Оказывается, дела ее обстоят еще хуже, чем она думала. Она лежала в постели с незнакомцем... голая!

Если и было на свете что-либо вызывавшее у нее большее отвращение, чем бренди и мужья, то это нагота!

Джорджетт как за последнюю соломинку держалась за надежду, что все это ей снится и скоро кошмар закончится. Но, когда спишь, не слышишь мужского храпа. Если покойный муж ее чему-то и научил, то как раз этому. И сейчас ей следовало побыстрее найти свою одежду и обрести рассудок. Увы, и то и другое она, похоже, утратила. Как и память...

Джорджетт подняла с пола первую попавшуюся на глаза тряпку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась мужской рубашкой. Перед тем как надеть ее на себя, Джорджетт стряхнула с рубашки мелкие осколки стекла и перья. Полы доходили ей до середины икр. От рубашки пахло... не сказать чтобы очень уж неприятно — мылом и еще — чуть-чуть — конским потом и кожей. Стоило ей прилечь, как тело с готовностью откликнулось чувственным возбуждением. Джорджетт не переставала себе удивляться. Она ли это? Мужчины был ей совсем не зна-

ком, и знакомиться с ним у нее не было ни малейшего желания. Предательские реакции собственного тела заставили ее испытать смущение и растерянность.

Джорджетт опасливо посмотрела на кровать. Из-под одеяла торчала согнутая в колене нога с мускулистой икрой, припорошенной темными волосками, и затылок с растрепанными темными волосами. Тут мужчина перевернулся на другой бок, и взору Джорджетт предстала густая борода, отращивать которую ни один молодой человек в Лондоне не стал бы — разве только на спор. Впрочем, никакая борода не могла скрыть благородной формы его носа и чувственного абриса губ. Во сне он выглядел вполне миролюбиво. И даже по-своему привлекательно.

Но ведь он незнакомец!

— Господи, что же я наделала? — прошептала Джорджетт. Кутаясь в мужскую рубашку, она на цыпочках подошла к кровати, чтобы лучше рассмотреть спящего. Может, что-нибудь в его лице покажется ей знакомым, заставит вспомнить, как она оказалась здесь и что ее с ним связывало.

Мужчина выглядел лет на тридцать с небольшим. Волосы у него слегка завивались на концах; когда же утренний свет из окна упал на его бороду, она казалась скорее рыжей, чем черной. А вот ресницы у него были гораздо темнее, чем борода, — густые и на удивление длинные, они отбрасывали тень на загорелые скулы. Окинув взглядом собственные бледные ноги, Джорджетт пришла к неутешительному выводу: по сравнению со смуглой кожей незнакомца ее так тщательно оберегаемая от солнца кожа выглядела тусклой и безжизненной. И, увы, как ни вглядывалась в его черты, она так ничего и не вспомнила, хотя по какой-то непонятной причине по телу ее растекалось приятное тепло.

Простыня, на которой лежал мужчина, выглядела не особенно чистой, так что... возможно, в этой постели обитали блохи! Джорджетт передернуло. Как могла она решиться провести тут ночь?! И, что еще существеннее, как

могла она решиться провести ночь именно с ним? Чем она руководствовалась в своем выборе?

— Прошу тебя, Боже, только бы он оказался джентльменом, — пробормотала Джорджетт, пытаясь понять, на кого этот мужчина походил больше — на господина или на слугу. Рубашка из хлопка отличной выделки, что была сейчас на ней, явно принадлежала господину, но ни один из знакомых ей джентльменов не обладал столь развитой мускулатурой.

Тут Джорджетт вдруг заметила на полу свое платье и наклонилась, чтобы его поднять, затем опустилась на колени и заглянула под кровать в надежде отыскать туфли. Осколки стекла царапали колени, а грубо обструганные доски пола грозили оставить занозы.

Внезапно с кровати донесся громкий храп, и Джорджетт, застыв в неудобной позе, похолодела при мысли, что если этот мужчина действительно джентльмен, то, чего доброго, посчитает своим долгом жениться на ней после того, что, возможно, произошло между ними ночью. А этого она никак не могла допустить, потому что больше, чем скандал, который неминуемо грянет, если слух о случившемся с ней в Шотландии дойдет до лондонских газет, ее страшил еще один безрадостный брак с тем, кто питал неумную страсть к женщинам и выпивке.

Джорджетт встала с коленей и натянула платье через голову, даже не потрудившись поискать корсет и нижнюю рубашку. Между тем мужчина на кровати вновь зашевелился, чем привел ее в состояние паники. Джорджетт замерла на мгновение, затем, оставив неуклюжие попытки застегнуть пуговицы на лифе платья, бросилась к двери с единственной целью — оказаться подальше от этого внушавшего страх незнакомца. Однако тапочки липли к грязному заскорузлому полу, а щеколда отчего-то не захотела поддаваться.

И тогда она увидела это! Кольцо на ее руке блеснуло в лучах солнца, пробившихся сквозь тонкие шторы на окнах.

Джорджетт в ужасе поднесла руку к глазам. Похоже, оправдались худшие из ее опасений. Кольцо на ее безымянном пальце имело гравировку в виде фамильного герба, который не был ей знаком.

Это кольцо на безымянном пальце ее левой руки — в совокупности с сопутствующими обстоятельствами — позволяло сделать вывод том, что теперь она снова замужняя дама.

Но все ее существо противилось принятию этого факта. Ведь свадьба всегда планируется заранее... К тому же свадьбе предшествуют помолвка, оглашение и все прочее. В крайнем же случае — покупка специальной лицензии. И даже если отбросить все вышесказанное, она, Джорджетт, просто не могла бы вновь выйти замуж. Во всяком случае — сейчас, когда два года траура остались позади и у нее наконец появилась возможность зажить полной жизнью. Жизнью свободной женщины!

Чуть помедлив, Джорджетт обернулась, чтобы еще раз посмотреть на того, кто скорее всего теперь приходился ей мужем. Какими бы совершенными пропорциями ни обладало его тело и какие бы чувственные реакции ни вызывала в ней эта согнутая в колене нога, она не могла в здравом уме и трезвой памяти перечеркнуть надежду пожить наконец для себя.

И тут страх и растерянность, что владели ею с момента пробуждения, уступили место гневу. Джорджетт сделала шаг в направлении кровати. Она должна была его разбудить и потребовать объяснений, однако... Даже мысль о том, чтобы прикоснуться к незнакомцу, вызывала у нее безотчетный страх. Чтобы не прикасаться к нему рукой, требовалось найти что-то для этой цели подходящее, и Джорджетт не пришло в голову ничего лучше, чем поднять с пола ночной горшок, по счастью пустой, и толкнуть им мужчину в плечо.

— Откройте глаза, — прошипела она, с трудом узнав собственный голос.

Мужчина перевернулся на спину, потянулся и приот-

крыл сонные глаза цвета бутылочного стекла. Улыбка завязанного соблазнителья заиграла у него на губах. Зубы же оказались ровными и белыми.

— Доброе утро, — сказал он хрипловатым баском. — Не знаю, что тебя подняло в такую рань. Забирайся назад в кровать. Я тебя приласкаю.

Джорджетт вполне хватило того, что она услышала, чтобы понять: этот мужчина не был ни джентльменом, ни англичанином. И тогда она вспомнила, в какой стране находилась. О боже, ведь она — в Шотландии! А браки в этой стране заключали, минуя принятые в Англии формальности. Не успеешь и глазом моргнуть, а ты уже замужем.

Память постепенно начала к ней возвращаться. Она вспомнила, что собиралась поехать куда-нибудь, чтобы сменить обстановку и отдохнуть. Жуткие обстоятельства гибели ее мужа и двухлетний траур повергли Джорджетт в уныние. Ее двоюродный брат некоторое время назад уехал в Шотландию. Студент-биолог, он собирался написать работу, посвященную фауне этих северных мест. Когда кузен написал ей, приглашая приехать в гости, Джорджетт подумала, что Шотландия с ее бесконечными сосновыми лесами, с изумительными пейзажами и, что самое важное, с ее удаленностью от Англии — это как раз то место, которое может вернуть ее к жизни. Ей надо было побыть наедине с собой, чтобы набраться сил и к началу сезона окончательно не сникнуть под лицемерно жалостливыми взглядами светских сплетников и сплетниц.

Но никогда — даже в страшном сне! — она не могла представить, что вернется в общество в статусе замужней женщины. Но, как ни старалась, Джорджетт не могла вспомнить, при каких обстоятельствах оказалась в этой комнате, похожей на номер в третьеразрядной гостинице. И не могла вспомнить этого мужчину.

Слова, которые необходимо было произнести, застряли у нее в горле как подгорелый тост. Откуда-то снизу,

кстати, несло горелым — наверное, на кухне готовили завтрак.

— Кто вы? — с трудом выдавила Джорджетт.

Незнакомец со смешком приподнялся и сел в кровати.

— Ты сейчас решила об этом спросить? А ночью тебе, похоже, было все равно.

Тут одеяло соскользнуло с него, и Джорджетт поймала себя на том, что смотрит на его живот — мускулистый, крепкий, словно выточенный из мрамора. Она судорожно слотнула. Этот мужчина определенно не был джентльменом, но и простым слугой он тоже скорее всего не был. Слуг с такими превосходными физическими данными не существовало в природе.

Джорджетт с ужасом ощущала, как растекается по телу приятное тепло. О боже, ее влекло к этому мужчине! Тело отказывалось подчиняться разуму.

— Кем вы... служите? — спросила она сдавленным шепотом.

И снова раздался его смешок.

— Странно, что ты решила задать мне этот вопрос уже после того, как я оказал тебе услугу. — Мужчина кивком указал на кисть ее левой руки, и улыбка его преобразилась в глумливую ухмылку. — Я ваш муж, миледи. И вы задолжали мне еще один поцелуй.

Еще один?.. Видит Бог, она и первого-то не помнила. Однако... Ее жуткая догадка теперь получила подтверждение, и Джорджетт овладела паника.

— Муж? — переспросила она, облизнув пересохшие губы.

Этот мужчина, говоривший как простолюдин и сложенный как бог, явно не принадлежал к ее кругу. Ведь она, Джорджетт, как-никак была вдовой виконта, и если бы и решилась вновь выйти замуж — что маловероятно в принципе, — постаралась бы выбрать себе в мужья настоящего джентльмена. И вообще, не следовало верить этому человеку. Вне зависимости от того, что произошло между ними ночью, она не могла вступить с ним в брак

по своей воле — никогда бы не сделала столь опрометчивый шаг.

— Вы знаете, кто я? — Джорджетт надеялась, что выбрала верный тон.

Незнакомец весело рассмеялся.

— Так это же ясно как день! Ты женщина! — Он помянул ее пальцем. — А теперь, моя добрая женушка, поезжай-ка в постель. Будем знакомиться по новой.

Ее новоиспеченный муж явно пребывал в игривом настроении, но Джорджетт было не до шуток. Как смел он так неуважительно к ней обращаться?! Словно она — его собственность! С нее хватило и первого мужа! Джорджетт не понимала, что на нее нашло, но рука ее, все еще сжимавшая ручку ночного горшка, вдруг поднялась, размахнулась — и запустила горшок в бородатого незнакомца. Раздался грохот — это горшок, ударившись о череп бедняги, раскололся на куски. И в тот же миг, испугавшись содеянного, Джорджетт бросилась наутек.

Как бы там ни было, она не станет безвольной игрушкой в руках очередного мужа! Ни за что в жизни!

Глава 2

Джорджетт стремглав сбегала по темной лестнице третьесортной гостиницы. Пробегая мимо обеденного зала, она зажала нос. От запаха вареных яиц и копченой кильки ее чуть не стошнило. Хозяин гостиницы в изумлении окликнул ее, но она даже не оглянулась. И на улице ей легче не стало — голова, казалось, раскалывалась и гудела нещадно.

Джорджетт зажала уши ладонями. Солнце едва встало, а город уже пришел в движение. Уличные торговцы, стараясь перекричать друг друга, зазывали покупателей. Похоже, в Шотландии утро начиналось куда раньше, чем в родной Англии. Причем запахи еды преследова-

ли Джорджетт и здесь. Возможно, запах пирожков — их жарили прямо на улице — в иное время показался бы ей аппетитным, но только не в это утро. Самочувствие ее, прямо сказать, оставляло желать лучшего, но физические муки, которые она сейчас испытывала, не шли ни в какое сравнение с муками душевными. Ведь она подняла руку на мужчину! Не просто на мужчину, на собственного мужа! Оставалось лишь надеяться, что она не нанесла ему увечий, несовместимых с жизнью. В свое оправдание Джорджетт могла сказать только одно: она действовала в состоянии аффекта. Всю жизнь она молча сносила обиды, копила их в себе, но чаша ее терпения переполнилась, и гнев нашел выход. Да, конечно, ей следовало сначала подумать, а потом действовать, но в тот момент она не то что думать, дышать не могла!

Подхватив юбки, Джорджетт бросилась прочь от захудалой гостиницы, места ее позора. Ее совсем не заботило, как она сейчас выглядела. «Что я наделала, что я наделала?» — словно заклинание повторяла она про себя. Но уже через минуту, когда здравый смысл начал понемногу одолевать панику, к этому вопросу прибавился еще один: «Где я?»

Джорджетт бежала по незнакомой торговой улице, совсем не походившей на родные лондонские. Запыхавшись, она остановилась под навесом очередной лавки, уперлась ладонью в кирпичную стену и попыталась отдышаться. Проходившие мимо две юные леди в нарядных чепцах с развевающимися розовыми лентами разглядывали ее с нескрываемым любопытством и тихонько перешептывались.

Джорджетт даже думать не хотелось о том, какое жалкое зрелище она собой представляет. Одна прическа чего стоила! Не говоря уж о том, что от нее, наверное, за версту разило бренди. В спешке покидая гостиницу, она думала лишь о том, как бы сбежать оттуда побыстрее. Но теперь, оказавшись на весьма оживленной улице непричесанной, в платье, которое на ней едва сходилось из-за отсутствия

корсета, Джорджетт невольно задумалась о том, стоило ли так торопиться. И она все еще не понимала, где находится, и не помнила, как тут оказалась. Полосатый навес поперек улицы... Колонка, возле которой выстроилась очередь желающих набрать воды... Джорджетт была уверена, что все это видела впервые — и улицу эту, и людей. Если она и знала кого-то в этом городе, то лишь того бородача с фигурой атлета, с которым проснулась в одной постели.

И во всей Шотландии ей был знаком еще только один человек — ее кузен Рандольф Бартон.

Прислонившись спиной к кирпичной стене, Джорджетт тихо всхлинула. Что теперь с ней будет? Не слишком обнадеживающее начало двухнедельных шотландских каникул, на которые она возлагала такие радужные надежды. Она помнила, что приехала к кузену три дня назад или... Или все же четыре? Заискивающая угодливость кузена неприятно поразила Джорджетт, как и отсутствие обещанной им компаньонки, а также горничной. И, что еще хуже, у нее сразу же возникло подозрение, что Рандольф имел на нее определенные виды и пригласил ее совсем не потому, что хотел по-братски поддержать. Она еще более утвердилась в своих подозрениях накануне вечером — если, конечно, это было вчера, — когда за ужином Рандольф сел напротив нее и принялся буравить взглядом. Она ерзала на стуле, не находя себе места. А что было потом, увы, не помнила.

— Я принес вам котенка, мисс.

Джорджетт стремительно обернулась, задохнувшись от неожиданности. В нескольких шагах от нее стоял грузный мужчина в забрызганном кровью фартуке. От него ужасно разило потом, а в его густой бороде цвета красноватой глины застряли крошки еды или, возможно, чего-то другого — Джорджетт предпочла не думать, чего именно.

А жизнь в городе шумела и бурлила. На улицы высыпали женщины с детьми и домохозяйки с корзинами, спешившие на рынок. Но казалось, никому из прохожих

не было никакого дела до того, что устрашающего вида субъект в забрызганном кровью фартуке держал в одной руке кривой мясницкий нож, а в другой — котенка.

— Я вас знаю? — спросила Джорджетт, в страхе отступив на шаг.

Бородач улыбнулся, обнаружив дыру в том месте, где должны были находиться передние зубы.

— Макрори меня зовут. Вчера вечером, когда мы познакомились, случай не представился назвать себя.

— Мы с вами познакомились вчера? — Утро оказалось богатым на сюрпризы. Этого бородача вполне можно было принять либо за неряшливого мясника, либо за убийцу. Такого увидишь на улице — на другую сторону перейдешь, а уж про то, чтобы водить с ним дружбу, и речи быть не могло. Интересно, насколько близко она успела с ним познакомиться в тот отрезок времени, который каким-то мистическим образом выпал из ее памяти?

— Так вы не помните? А, ну это понятно... Все так быстро случилось: сперва — на меня, потом — с меня. Вам немудрено и забыть. — Голос мужчины в фартуке звучал так же раскатисто, как и голос того, кто остался в номере, но в отличие от последнего голос то ли мясника, то ли убийцы не трогал за душу. От слов же его, вернее — от того, что под ними подразумевалось, у Джорджетт волосы на затылке встали дыбом.

— Я... была на вас? — «Господи, сделай так, чтобы я ослышалась», — мысленно взмолилась она.

— Ну да. Обхватила меня, крепко так. — От хохота мясника кровавые пятна на его фартуке заколыхались, словно занавески на ветру. — Как и где стиснуть — в этом вы знаете толк, верно говорю.

По вискам Джорджетт заструился пот, а по спине пробежал холодок. Рассудок отказывался верить в самую очевидную интерпретацию слов этого бородатого мужчины. Что-то тут было не так...

— Что вы имеете в виду? — спросила Джорджетт в надежде, что сейчас он скажет, что, мол, просто пошутил.

— Забирай его, детка. — Мясник указал на котенка кончиком ножа. — Ты его заработала.

Джорджетт растерялась настолько, что машинально взяла протянутого ей котенка. Он был совсем крохой — недели три или четыре от роду, не больше. Она понятия не имела, как будет заботиться о котенке, но отчего-то решила, что ее долг — приютить несчастное существо. Подержав в руках этот маленький комочек, она уже не могла с ним расстаться. К тому же Джорджетт подозревала, что если вернет котенка мяснику, то малыш может стать чьим-нибудь ужином.

И тут мясник, одарив Джорджетт напоследок еще одной беззубой улыбкой, развернулся и ушел. Джорджетт смотрела ему вслед, пока он не растворился в толпе. А на душе у нее становилось все муторнее. Господи, неужели она действительно дотрагивалась до него в интимных местах? И неужели делала это за плату, за котенка?!

Джорджетт сморгнула подступившие слезы. Она не плакала, когда умер ее муж, хотя чувствовала себя в немалой степени виноватой в его преждевременной смерти. Не плакала она и в тот момент, когда, проснувшись этим утром, увидела, что лежит голая в постели с чужаком, в обшарпанном и грязном гостиничном номере. Даже выскочив полуголая на улицу и обнаружив, что не знает, где находится, она все равно не заплакала.

Но сейчас, узнав о том, что этой ночью она, возможно, занималась непристойностями с этим мясником, Джорджетт не смогла сдержать слезы отвращения. Отвращения к себе самой.

От самобичевания ее отвлек стук копыт и скрежет колес, и Джорджетт едва успела отскочить. Возница же грозил ей кулаком и что-то орал, но она не поняла его из-за сильного шотландского акцента. Поскользнувшись на кучке навоза, Джорджетт, с трудом сохранив равновесие, отпрыгнула к краю мостовой. Оказавшись в безопасности, она первым делом взглянула на котенка, которого ей посчастливилось не уронить, а затем, после секундных раздумий, сунула его в вырез декольте, иначе она не могла